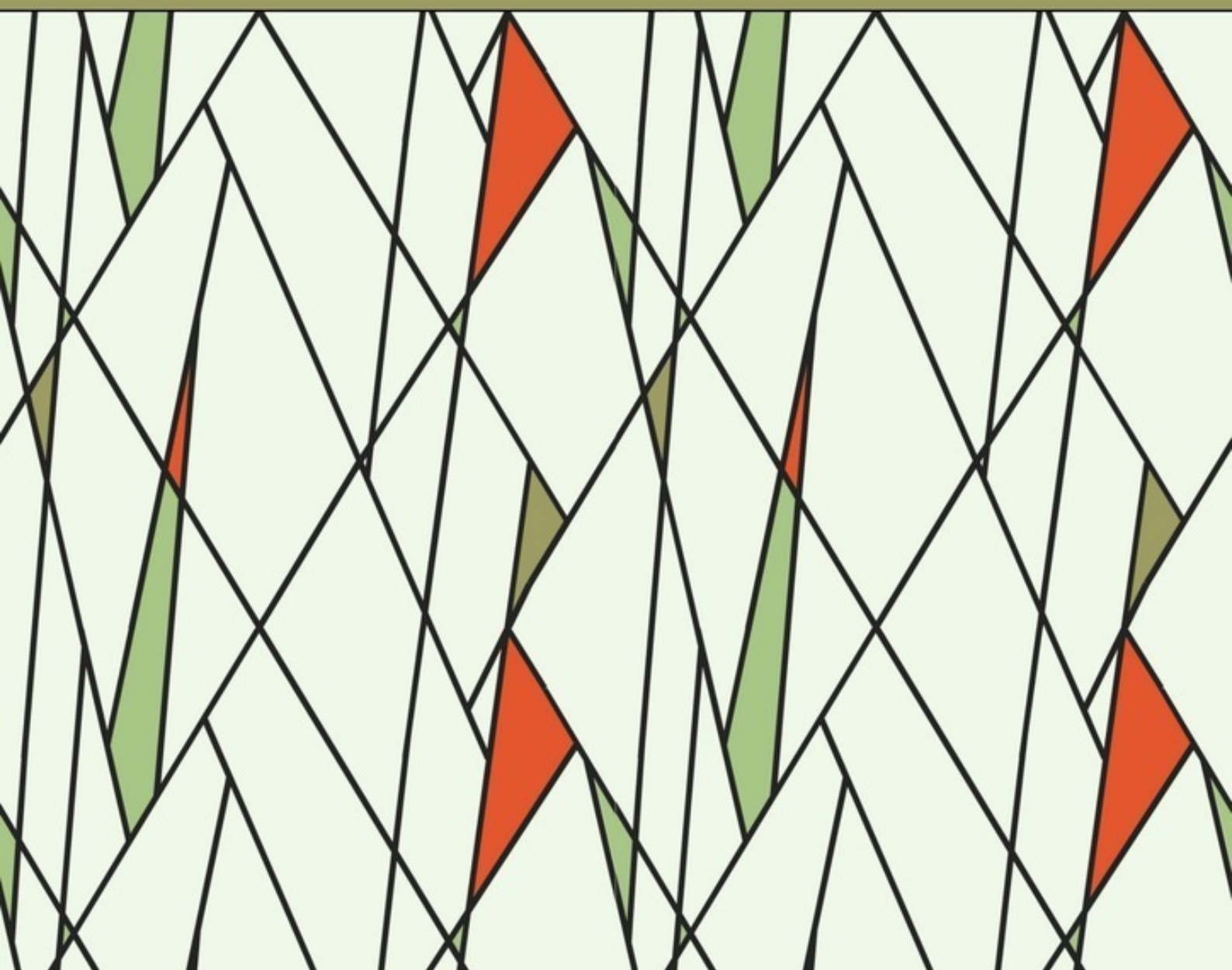

Анатолий Агарков

*Путь к
познанию*

Анатолий Агарков

Путь к познанию

«Издательские решения»

Агарков А.

Путь к познанию / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903099-3

Возможности человека безграничны, и нет в этом никакого колдовства. Ведь эволюция проста — бесконечный путь к совершенству: от черной дыры в космосе к солнечной системе, от электрона и ядра к живой клетке с функциями размножения, от многоклеточного существа к разумному человеку. В наших генах прописан этот путь. Исследовать его — задача не из легких. Но для того и жизнь дана... Хотите стать прозрачным, как человек-невидимка Герберта Уэльса? Работайте над собою — все в Ваших руках!

ISBN 978-5-44-903099-3

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Как я стал Богом	6
Путь к познанию	7
1	7
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Путь к познанию

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-3099-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как я стал Богом (часть 3)

*О, сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг.
И случай, бог изобретатель
(А. Пушкин)*

Путь к познанию

*Кому судьба дает вино познания пить,
Тот, кроме Истины, обязан все забыть;
Кому дает язык, тех обделяет зреньем,
Кто получил глаза, немым придется быть.*

(О. Хайям)

1

Земля лежала предо мной. Земля без границ и государств. Я её будто заново открывал. Леса кишат зверьём и птицей, в степях бесчисленные стада парнокопытных.

– Что-то, Билли, плотоядных не видать – забодал хищников?

– Отнюдь – все на своих местах. Природа правит бал – ну, разве только с незначительными поправками на необходимость и достаточность.

– Поправки от Всевышнего?

– Считаю что да, хотя до сей поры, он звался Человеческим Разумом.

– А ещё подробней.

– Солнце светит, влага испаряется, сбивается в циклоны, те строем топают вглубь континента и проливаются дождями, питая почву и побуждая радующую глаз и сердце человека безумную борьбу за жизнь всего живого.

– Да ты лирик! А где проза?

– Ну, пожалуйста – Всемирный Разум контролирует зарождение областей низкого давления, их движение и выпадение осадков.

– Позволь дальше я, как биолог – чтобы Земля не превратилась в непроходимые джунгли, работают челюстями любители флоры, а их поголовье контролируют пожиратели мяса. Всё в автоматическом режиме – причём здесь интеллект?

– В основе процесса – подчиняясь энергии Объединенного Разума, циклоны не набирают силы ураганов, идут, куда надо и мочат, сколько требуется.

– Здорово! Ну, что сказать, молодцы – время не теряли!

Это я от всей души. Ну и Билли не смолчал:

– Не то, что некоторые.

Горные складки с застывшими, как монументы, на краю пропасти снежными баранами, и величавым полётом орлов остались позади. Степное раздолье запомнилось топотом копыт несущихся прочь от невидимых хищников сайгаков, джейранов, диких ослов и лошадей. Леса птичьим гомоном и солнечной сенью. Реки чистой водой и плеском рыб. Озёра стаями водоплавающих – гусей, уток, лебедей и величавых фламинго.

Я шёл, менялись пейзажи – неизменными оставались убегающая в дымчатую даль кромка горизонта и девственная голубизна небесного купола с ватными клоками облаков. Нет даже реверсивных следов самолётов. Где же люди?

– Где люди, Билли? Где города?

– Люди будут, хотя маршрут ты выбрал не самый густонаселённый. А городов теперь действительно стало меньше. К чему они, если человек Земли сроднился с природой?

– Что-нибудь осталось? Москва жива?

– Стоит Первопрестольная, и все остальные мегаполисы с культурно-историческим наследием. Новые города – это целевые монолитные строения типа муравейника. Если интересуешься, можем заглянуть, чуть-чуть уклонившись от маршрута.

– Всё посмотрим в своё время – у нас впереди нескончаемая жизнь.

С гомо сапиенс эпохи воцарения Всемирного Разума встретился на берегу величавой реки, неспешно нёсшей воды в пышном обрамлении ив и тростника. На прогалине с песчаным пляжем разбили лагерь островерхих шатров полусотня босоногих в коротких цветных туниках на голое тело. Мужчины разных возрастов – от седогривых и бородых, а ля викинг, до безусых юнцов. Женщины, как на подбор, все молоды, красивы. Впрочем, сообразил, что это только образы, – какой же возраст у бессмертных?

Моё внезапное появление среди пёстрых шатров ничуть не смутило их обитателей, да и не обрадовало. Я присел понаблюдать, что за люди, и путём логических размышлений постичь цель их тутошнего пребывания.

Однако уединение скоро было нарушено – нашёлся сердобольный.

– Нужен шатёр? Есть свободные.

– Благодарю, – отвечаю. – Ещё не определился, надолго ли здесь – может, сейчас и двину дальше. А вот от одёжки не откажусь – моя пообтрепалась.

– У нас только туники. Вам какого цвета?

– Золотистого.

Приветливый собеседник ушёл и вскоре вернулся с греческим одеянием цвета утренней зари морозным утром.

Я разделся до трусов:

– Искупаюсь.

Босоногий вертел в руках мою обувь.

– Раритет – сама не разложится, но есть походный утилизатор.

Незнакомец указал пальцем на трусы. Я оглянулся на реку, где на мелководье плескались совершенно нагие мужчины и женщины.

А, была, не была! Стянул трусы, подал босоногому – утилизирую.

Вошёл в воду, нырнул, поплыл, а Билли зудит:

– Теперь производят материалы и вещи из них, рассчитанные на определённый срок службы – по окончании, распад на молекулярном уровне.

– Слушай, этот принцип безотходной жизнедеятельности однажды оставит меня голышом, быть может, в самый неподходящий момент.

– Привыкай – не горбат, не кривоног – чего тебе стыдиться?

Перевернулся на спину, раскинув руки – вода держала, а течение сносило.

– Ну, и что они тут делают?

– Ты же сам хотел домыслить.

– Лень.

– Это новая волна адамистов. Впрочем, они называют себя миротворцами.

– А разве ещё где-то воюют?

– Тут другое. Они хотят замирить хищников с травоядными, а последних с флорой Земли.

– Для чего? Хотят остановить процесс эволюции видов? И как это возможно – силой внушения или дрессировкой?

– Изменением генетического кода – животный организм перестраивается в растительный.

– Это как – я на солнышке лежу и от солнышка рожу...?

– Вульгарно, но в самую точку. Опыты прошли успешно и всколыхнули сердобольников.

– Считаешь это разумным? Я как биолог...

– Думаю, любой эксперимент имеет право на реализацию. Сколько раз было в науке подобных «неразумных» ситуаций, и сколько раз дилетанты опрокидывали классиков, открывая новые законы, понятия, сентенции.

– Я как биолог....

– Как биолог не желаешь завтра принять участие в перевоспитании тростникового тигра?

– Очень любопытно....

День прошёл своим чередом. Подтянулся вечер. Адамисты собрались у большущего костра, встали в круг, закинули руки соседям на плечи, и пошла гульба. Музыка не было, но пляска сопровождалась ритмичными:

– Хэй...! Хэй...! Гей-гей-гей...!

Кажется, этот танец называется «сиртаки» и посвящён бессмертным богам. Ну что ж, скачите сами для себя!

Грусть напала. Очень красивы женщины новой Земли и, я знал, доступны – стоит только пожелать. Может, ну их к чёрту все заботы и проблемы с ними связанные, остаться босоногим, влюбиться в хорошенькую девчоночку и мазать тигров зелёной, чтобы они хлорофилл поглощали. А, Билли?

– И это говорит биолог! Какой зелёной – очнись.

Поднялся и пошёл прочь.

– Ты так ничего и не понял, – сказал я Билли.

– Эй, пилигрим, не хочешь разделить со мной шатёр? – раздался призывный голос за спиной.

Девичья фигурка на фоне догорающего костра смотрелась неплохо.

– Нет.

– А чего хочешь?

– Одиночества.

– Трудно тебя понять, – посетовал Билли.

Присел на взгорке, прислонившись спиной к могучему кедру, наблюдая за танцами босоногих.

Когда костёр догорел и стал похож на огромное блюдо рубиновых углей, адамисты разбились на пары и закружились по этой жаровне – только искры из-под босых пят да языки пламени, не успевающие за ступнями.

– Слабо, Создатель? – всплыл в сознании подстрекатель.

Не стал возражать. Не пустился и в полемику о том, что в стародавние времена находились огнеходцы так же лихо отплясывающие босыми на углях. И без всякого оптимизатора. Молчал, грустил и наблюдал, как исчезают в шатрах парочки.

.... На востоке посветлел горизонт, окрестность обозначила контуры. Туман, зажатый ивовыми берегами, колыхался над рекой, а в прогалину вполз и загасил последние угли, подёрнув костровище белой тюлью пепла.

Спиной к надвигающемуся рассвету покинул лагерь босоногих миротворцев.

– Что так? – удивился Билли.

– Идём дальше.

– Как же сафари?

– Не моя тема, а зрителем – не моя роль.

– Мудреем?

Великий Нил переплывал на спине зелёного крокодила – он лежал в прибрежном песочке раззявив пасть, в которую вошла бы табуретка. Скучаем, паромщик? А ну-ка, потрудись. Встал голыми ступнями на жёсткую спину из крокодиловой кожи – и о чудо! – громадная рептилия, пробороздив песок, с лёгким плеском вошла в воду. Буравя хвостом лотосовые плавни и подрабатывая короткими кривыми лапами, пробилась к полоске тростника, а через него и на стремнину.

Велик и могуч древний Нил – нет бурунов, не видать турбулентности, но огромная масса воды, подчиняясь закону всемирного тяготения, величаво и неудержимо течёт на север. И нас

сносила, удлиняя путь. Один берег постепенно удалялся, другой неизменно приближался, но время шло, и сомнение закрадывалось – хватит ли у зубатого сил?

– А, Билли? Без мясного-то не шибко получается.

С божьей помощью одолели Нил.

Потрепал рептилию по бугорку ноздрей:

– Спасибо, Гена, жаль по пескам ты не мастак.

Великая пустыня дымкой миражей влекла на запад. На двенадцатый день пути по бесконечным барханам на севере возник профиль усечённой пирамиды.

– Билли, какой устойчивый мираж и, кажется, имеет цвет. Радужный, да, да... Нет, оранжевый. Точно.

– Сколько эмоций! Соскучился среди варанов и тараканов по нормальному обществу? Это, Создатель, не мираж, а центр изучения солнечной энергии – Гелиосполь. До него неделю топать. Отсюда кажется пирамидкой, а подойдёшь – о-го-го! – общежитие на полмиллиона солнцеведов.

– Есть в суете их смысл?

– Здесь собрались и трудятся энтузиасты дела. Впрочем, лучше один раз увидеть....

– Нет, Билли, я тоже энтузиаст дела, и праздное шатание оставим на потом.... если возникнет желание. Лучше поведай, чем Любовь наша Александровна занимается, укротительница вулканов?

– Как всегда, на острие мозговой атаки.

– Переведи.

– Озоновые дыры латает.

– Да-да, нужное дело, и главное – женское. Удаётся?

– А то.

Значит, у Любаши всё в порядке – она при деле. А что Настенька?

– Билли, свяжи с дочерью – хочу пообщаться.

– Связать, конечно, можно, но не вовремя это будет – у девочки свидание.

Вот как! Моя дочь выросла – у неё свидание с молодым человеком. Готовься дедом стать, Алексей Владимирович. Настроение.... Сказать, взбодрилось – ничего не сказать.

Взбежал на крутой бархан и кувыркнулся вниз – ты неси меня песок, путь мой долог и далёк.

Билли подсутился под мажор:

– Может, транспортишко какой подогнать – быстрее, чем пёхом.

– Дойду, пешочком мне привычнее. Кстати, о транспорте. Билли, думаешь, как океаны пересекать будем?

– Вплавь, конечно. Или на плоту?

– По морю аки посуху – знакомо выражение? Вот, согласно ему.

– Оригинал.

К Атлантике вышел на западной окраине Африки. Солнце плавило окрестности, океан дышал могучей грудью, вздымая волны. Чайки сходили с ума, радуясь празднику жизни, и успешно соперничали с зубатыми бакланами в ловле рыбы без удочки.

Грех не освежиться. И я искупался, скинув тунику. Потом лежал на линии прибоя и грустил о прожитом. Когда-то уже было такое, в другой жизни, на противоположной окраине континента. Палило солнце, гомонили чайки, шипел и пенился прибой в прибрежном песке. Рядом лежала Даша, и у неё под сердцем сформировал нервную систему наш сын. Так и не родившийся.... И-эх!

Встал, натянул немудрёную одежду, шагнул к линии прибоя.

– Ну, Билли, постиг секрет Иисуса из Назарета? Поведай.

– Да, конечно, Создатель. В основе всего вера. Ты веришь, значит можешь.

– Верю, – сказал я и шагнул в воду.

Нет на воду – она держала, она не впустила в себя мою ступню. Прогнулась ватным одеялом, но держала мой вес на своей ладони. Сделал второй шаг, пошёл. Вода держала, прогибаясь. Нет, так не годится! Стань стеклом, ровным, как стекло. И, волны, уймись!

Будто стеклянный пяточок упал на океан. Небольшой – метра два в диаметре, вокруг меня. Он двигался вместе со мной. Нет, я шёл вперёд, а он всегда был подо мной.

Потом подумал, что твёрдая поверхность не есть вери гут для босых ног, и попросил её быть помягче. Всё тут же и исполнилось – ступни принял мягкий ворс ковра.

– Ну, как?

– Нет слов, Создатель – мессия, второй мессия.

– Врёшь ты всё – скину оптимизатор и пойду ко дну, как стойкий оловянный.

– Рискни для эксперимента.

Оглянулся. Берег маячил верхушками пальм у горизонта. Без оптимизатора не то, что добежать, не доплыть даже.

– Нет уж, оставайся на руке – болтать-то с кем-то надо.

Как передать ощущения хаджа через океан? Чувство новизны восхищало первых несколько дней, а потом прошло. Остались птицы за спиной – их берег магнитил. Мои спутники – дельфины, акулы, летучие рыбы. Кажется, киты – не их ли фонтанчики вскипали у кромки горизонта? И всё – бескрайняя гладь воды, небесный купол, облака.

– Билли, ты бы какую-нибудь бурьку подогнал, тайфунчик баллов на пять-шесть для разнообразия.

– Хорошо подумал?

Я подумал и отказался.

Днями шёл вперёд. На ночлег устраивал из подвластного пяточка удобное ложе, и оно тихо качивало. Дело, думаю, не в комфорте. Виртуальный хитрец нёс меня, спящего, с волны на волну – вперёд, к намеченной цели. И не скажу, когда больше – ночью или днём – мой путь укорачивался к цели.

Пересёк Американский континент без приключений.

Не в обиду Атлантическому – Тихий океан побогаче живностью. Альбатросы так далеко залетают от суши, что, кажется, пересекают океан на едином дыхании. Дельфинов больше, акулы наглее. А киты проплывали очень близко.

Билли провоцировал:

– Оседлаем?

– И какой это хадж – от хвоста до головы?

Виртуальный подсказчик вёл точным курсом. Погода сопутствовала. Путь когда-нибудь должен закончиться. И он закончился, когда я спал.

Проснулся с первыми лучами солнца на выгоревшем до перламутрового отлива песке. Проснулся и сразу понял – прибыл. Прибыл к конечной цели своего полуторагодичного путешествия. Где-то здесь обитают прозрачные люди – этот остров куплен мною для них. Они согласились перебраться из колумбийской сельвы, поблагодарили и пропали на многие годы. Связи никакой – даже Билли бессилён был помочь. А мне недосуг поинтересоваться, как живёт удивительный народ. Стал ли успешным наш эксперимент. Появились ли на свет единокровные мои потомки. Мои дети, такие же, как Настенька. Хотя нет, с Настюшей их сравнить нельзя. Она – плод нашей любви с Дашей, а эти ребяташки, если они народились, результат эксперимента.

На миг представил картину, как шайка полупрозрачных метисиков берёт меня в плен и волокёт к костру на пиршество, в котором роль моя отнюдь даже не отцовская. Усмехнулся не без горечи, отогнал наваждение, повертел головой, оглядывая окрестности.

– Билли, где население?

– Пойдём искать.

Остров невелик, и неплохо обустроен Природой – в меру песка, в меру растительности, тропически пышной, но вполне проходимой. Фауна исключительно пернатая. Хотя нет, на песчаном берегу грелись океанские черепахи. Поискать – наверняка и млекопитающие в зарослях обитают. Но мне нужны прозрачные люди.

Пересёк остров и пошёл берегом лагуны. Под ногами песок, справа топазовое зеркало воды, слева тропические заросли. Конечно, глупо искать строения и другие следы деятельности человека, который в них не нуждается. Но меня-то они должны были обнаружить. Может покричать?

– Билли, где народ? Смылись куда-то?

– Они здесь, – это Билли.

– Отчего так холодно встречают? Где цветы, объятия, шампанское?

– Прости, Пришелец, я был на том краю лагуны – когда сообщили, поспешил к тебе.

Это уже не Билли.

– Президент?

– Если угодно.

– Ну, тогда, Алексей – если угодно.

Протянул ладонь для рукопожатия. Жест мой был понят. Я ощутил чью-то прохладную пятерню – чужие пальцы сжали мои.

– С прибытием.

– Рад, очень рад встрече. Где ваш народ?

– Тут, на острове – все, кто остался.

– Аа...?

– Наш эксперимент? Удался. У вас растёт дочь.

Одна дочь? Столько трудов и только один ребёнок? Что-то пошло не так?

– Расскажите.

– Присядем.

Тон вожака прозрачных людей весьма далёк от мажорного. Совсем не рад он моему визиту. Почему? Всё сделал, как он хотел, остров подарил. Что ещё?

Мы присели. То есть я присел на песок, по-турецки скрестив ноги, облокотился на колени, подпёр ладонями скулы – готов слушать. А мой собеседник? Не знаю. Я его не видел. Наверное, тоже пристроился где-то рядом.

– Что случилось?

– Мы затеяли смертельно опасный эксперимент. Все наши женщины зачали от вас, и все, кроме одной, погибли.

– О, господи! Что случилось?

– Во всех случаях, кроме одного, эмбрионы имели стопроцентную вашу наследственность и погубили своих матерей.

– Несовместимость крови?

– Банальнее – они стали жертвами хищников. Плод, не имеющий наших защитных способностей, подставлял мать под клыки, когти, жала... И многие мужчины нашего рода, спасая их, тоже отдали свои жизни.

Президент не просто рассказывал, он рисовал в моём сознании ужасные картины гибели своих соплеменников. Кошмар, приводящий в исступление. Господи-и!

– Билли!

– Понял, Создатель, – и отключил моё сознание.

Сколько это длилось. Час? День? Может, год?

Очнулся и попытался вспомнить последние мгновения перед обмороком. Всё вспомнил. Все картины ужасных смертей прозрачных людей. Только теперь это было не так ясно и остро. Будто под слоем пережитого.

– Билли, я один?

– Со мной, Создатель.

– От тебя куда денешься! Где хозяева острова?

– Ты хозяин острова.

– Не словоблудь: я – владелец.

– Разошлись, когда ты лишился сознания. Поищем?

– Билли, скажи, что мне делать.

– Жить, а не то, о чём ты сейчас подумал. Эксперимент трагичный, но он удался. У тебя растёт дочь с наследственными признаками прозрачных людей.

– Одна из нескольких десятков. Захочет ли она со мной общаться?

– Думаю, да.

Несколько дней прожил на острове в полном одиночестве. В смысле, без общения. Прозрачные люди были где-то здесь, возможно ходили за мной по пятам и плевали в мою непрозрачную спину, проклиная. Уже подумывал, убраться, не терзать их души присутствием. Уже решился. Уже посох подобрал....

Ветка куста качнулась, потом другая. Птица? Змея? Кто-то из прозрачных? Президент?

Голос возник в сознании звонкий, радостный, задорный:

– Вот ты какой, папашка.... Хи-хи-хи....

Меня легонько щёлкнули по носу. И в ту же секунду вздрогнула ветка, а за кустом мелькнул обнажённый силуэт, убегая. Я уже мысленно рванулся вслед, но чья-то прохладная рука легла на моё плечо.

– Это наша дочь, Пришелец. Я назвала её Дианой. У нас нет имён, но она твоя дочь, дитя непрозрачного человека. Ты собрался уходить?

– Я принёс горе вашему народу.

– Мы были обречены, но теперь у нас появился шанс – Диана.

– Меня ненавидят.

– Как засохшие ветки лучи солнца.

– Ты счастлива?

– Я благодарна. Я люблю тебя. Я правильно выражаю свои чувства?

Господи, как давно у меня не было женщины. Когда, в какой жизни последний раз?

– Мы одни? Отошли куда-нибудь Диану.

– Ты не хочешь её увидеть? Она очень похожа на тебя и умеет отражать свет.

– Сколько Диане? Кажется, семнадцать? И она ходит нагишом?

– Я понимаю твои чувства. Попрошу дочь не тревожить тебя до темноты. Ты согласен?

– А ты останешься?

– Я хочу любить тебя.

Прохладная нежная упругая кожа под ладонью. Губы податливые, но неравнодушные.

– Ты единственная женщина на острове?

– Мужчине вашего народа надо ревновать, чтобы распалиться?

Но я уже распалился. А когда излил страсть, схватил свою невидимую партнёршу на руки и помчался в лагуну. В воде она тоже прозрачна, но плескалась и брызгалась вполне ошутимо....

Лежали на песке в линии прибоя. Она гладила мои подсыхающие кудри, лицо.

– Время перекрасило твои волосы. Морщинки появились под глазами. Ты....

– Постарел?

– Возмужал. Стал ещё прекраснее.

Сомнительный комплимент для мужчины. Я переменял тему.

– Почему «Диана»?

– В честь вашей богини Природы

– Давай и тебе выберем имя.

– Если хочешь.

– Я буду величать тебя «Электра» – лучезарная у греков.

– А я – прозрачная!

Её веселье наполнило мою душу.

– Янтарная, – возражаю и нахожу её губы.

Тонкая жилка бьётся на изящной шее. Я ласкаю упругие бёдра.

– Сейчас дочь придёт, – не без иронии сообщила её мать.

Диана шла по песчаному берегу лагуны в нашу сторону. За её спиной по зеркальной глади лагуны пробежала золотистая дорожка, которая искрилась и дрожала, истончаясь. Но не краски природы восхищали.

Диана... Девушка была само совершенство. Безупречны линии тела, грациозна походка, бронзовый загар обнажённого тела....

– Билли!

– Всё под контролем, Создатель.

– Не правда, она хороша? – сказала Электра. – Она легко становится прозрачной и так же хорошо умеет отражать свет.

Солнце нырнуло в океан. Небеса, пропитанные жаром, ещё подсвечивали окрестности, создавая сумерки. Диана остановилась в нескольких шагах. Закат начертал её фигуру на фоне неба и укрыл глаза.

– Твоя дочь, любимый, – представила Электра.

– Вот ты какая!

Вдруг почувствовал, что-то мощное и властное ворвалось в душу, схватило её за шкварник – ассоциация с мокрым котёнком в руке человека – и чмок, чмок в мордашку. Не котёнка – душу мою грешную.

Начало, скажем, ошеломляющее.

– Пообщаемся?

– Мама рассказывала – ты красивый и очень сильный.

– Как ты понимаешь красоту?

– Без изъянов тело и добрая душа.

– Посиди со мной, – хлопнул ладонью по бедру, приглашая. По своему бедру.

Диана присела, обвила меня за шею, прикинула щекой к ключице.

– Очень жаль, не довелось видеть тебя младенцем, качать на руках, шептать сказки и петь песенки.

– Шепчи и пой.

Обнял её за плечи, начал тихонько раскачивать.

– Пой-пой, – требовала Диана.

Спел бы, спел колыбельную. А ещё лучше под гитару. Но мы общались мысленно, и гитары у меня не было. Поднял из глубин памяти образ крошечной Настеньки, засыпающей у меня на руках.

– Это твоя дочь? У меня есть сестра? Я хочу её видеть. Здесь у меня совсем нет подруг.

А я подумал – и жениха.

– И женихов, – откликнулась Диана. – Ты позволишь – я посмотрю на ваш мир в твоей памяти?

– Билли?

– Она может сделать это и без твоего согласия.

- С кем ты там шепчешься?
- Это второе мое я – друг и советник.

Некоторое время мы сидели не общаясь. Электра вообще не вмешивалась в наш диалог. Я покачивал дочь на своём бедре и поглаживал её прохладное плечо, не мешая ей углубляться в мою память. Есть что вспомнить....

- Ты прожил интересную жизнь.
- Как, уже прожил?
- Я хотела сказать – столько событий. А мне и вспомнить нечего.
- Ничего, доченька, я уговорю вашего начальника вернуться в мир людей.
- А если он не согласится?
- Тогда мы уйдём втроём – ты, я и мама.
- Было б здорово!

Долго сидели по-семейному – то общаясь, то прислушиваясь к внутренним ощущениям, то бездумно любуясь звёздным небом и его отражением в лагуне.

Ночь преломилась. На востоке чуть посветлел небосвод – а мы всё не могли наговориться, послушаться, налюбоваться.

- Не хочешь поговорить голосом – с помощью гортанных связок.
- Как это? Я не пробовала.
- Я научу.
- Ловко, – это Билли вставил реплику.

А я расстегнул оптимизатор и защёлкнул его на запястье Дианы.

- Что это?
- Оптимизатор – прибор, позволяющий нам в некотором роде уподобляться вам.
- Он научит меня пользоваться голосовыми связками?
- А ты уже говоришь ими, а также при помощи губ и языка.
- Хи-хи! Как интересно!

Голосок у Дианы чистый, свежий, серебристый.

- Это не опасно? – забеспокоилась Электра.

Но мы, увлечённые и околдованные звуковыми гаммами, не обратили внимания на её телепатическую обеспокоенность. Я начал обучать дочь песенкам, радуясь, что и без оптимизатора вполне контролирую свои чувства и инстинкты.

Солнце, вынырнувшее из воды у горизонта, возвестило о начале нового дня. Электра отправилась на поиски своего главного (президента? вожака?), с которым должен состояться нелёгкий разговор. А Диана затащила меня в лагуну купаться. Мы плавали, оглашая округу воплями. Кто слышал, вряд ли догадался, что мы пели песни далёкой России.

В центре лагуны нас атаковала акула.

Нет, дело было так. Думаю, не в поисках жемчуга, а всё-таки добычи, забралась она в лагуну. Но агрессивности поначалу не проявила. Диана первая её заметила и тут же растворилась в воде.

- Папка, берегись! – мысль её словно бичом обожгла подчерепное пространство.

Тут и я увидел белобрюхого хищника.

- Глупышка! Нашла, кого бояться. Сейчас покажу тебе цирковой номер.

Будто семнадцатилетний кавалер на глазах столь же великовозрастной дамы устремился к опасному чудовищу, забыв, что без оптимизатора я для него всего лишь самодвижущийся кусок мяса. Схватил за плавник, попытался вскарабкаться на спину. Ну и реакция предсказуема – только предсказалка моя в ту минуту была напрочь отключена. Думаю, от радости встречи с дочерью так поглупел, и отсутствие оптимизатора сказалось.

Акула сбросила меня, как бычок на родео неловкого ковбоя, и цапнула за плечо. Хрустнула ключица под мощными челюстями. Брызнула кровь....

Нет, кровь не могла брызнуть в воде. Она показалась из глубоких ран и стала окрашивать воду. Забеспокоилась хищница. Вкус крови проникал ей под жабры и приводил в неистовство. Парализованный болевым шоком, пуская пузыри, я медленно опускался на дно лагуны. При этом сознание было при мне и ясно печатлело, как акула наворачивает круги. Она будто оценивала обстановку и готовила плацдарм для решительной атаки.

Вильнула над головой хвостом и подалась прочь.

В тот момент, когда я коснулся песчаного дна лагуны, её зубастая морда показалась в толще воды. На предельной скорости неслась ко мне, раскрыв пасть. Промануться было трудно. И она не промахнулась. Она натолкнулась на невидимое препятствие, а потом воду вспенил электрический разряд. Или мне показалось? Не мудрено – на краю жизни и смерти и не такое привидится. Но током меня тоже шваркнуло, и я, наконец, отключился.

Впрочем, в сторону домыслы. Билли мне потом всё доподлинно поведал. Это он надумил растерявшуюся Диану, как спасти отца-подлеца. То есть меня. Ну, а электрошокером сработал оптимизатор. Билли и силёнок девочке подкинул – она вытащила меня на берег без посторонней помощи. Надела на моё запястье оптимизатор. Кровотечение сразу остановилось. Кашель выбил из лёгких воду. Часть её просто распалась внутри организма до газообразного состояния. Сознание вернулось.

– Как ты? – склонилась надо мною Диана.

– Кусаться хочется.

– Я так испугалась.

– Молодец. Как ты ей... А мне как пригрелся.

Диана прильнула ухом к моей груди. Стоит ли утомлять нашим семейным сюсюканьем? Всё обошлось, и, слава Богу.

Билли трудился в поте лица виртуального над моим пострадавшим организмом. Но и он не волшебник – восстановить меня полностью и в одночасье мановением волшебной палочки не мог. Короче, когда прозрачные, оповещённые Электрой и ведомые президентом, собрались на песчаном берегу лагуны, вид мой был близок к жалкому.

Я приветствовал аборигенов, сидя под пальмой, а напротив (знать бы где) стояли (сидели? плясали?) последние мужчины из удивительного рода прозрачных людей. Где-то среди них была Электра. Диана, из уважения к сородичам, пропустила сквозь тело солнечные лучи, но не покидала меня – я чувствовал её прохладные руки на своей груди.

– Ты звал нас, пришелец Алексей? – начал телепатическое общение Президент.

Начало, прямо скажем, не панибратское, скорее официальное, чем дружественное.

– Я хотел поговорить о судьбе моей дочери Дианы, да и вашей тоже.

– Тебе ничего не надо говорить – твои помыслы и задумки мне ясны. Поэтому без прелюдий я отвечу – нет.

– Почему?

– Надев серебряный браслет, ты возомнил себя равным Богу, а мы простые люди – желания и цели наши просты и никого на Земле не касаются.

– Не собираюсь ни с кем равняться: зебре полосы, крокодилу зубы, а моей дочери нужны люди для общения, дружбы, любви и продолжения рода. Нормальные люди.

– Ты мог бы ещё раз помочь нам – привези сюда здорового телом юношу вашего народа.

– Ты говоришь о святых для нас отношениях, как о физиологических актах. Моя дочь не будет участвовать в подобных экспериментах хотя бы потому, что она моя дочь.

– Девочка (Президент создал в моём сознании облик Дианы) не покинет остров одна. Если ты будешь настаивать, мы уйдём отсюда всем народом, и ты никогда больше не увидишь нас и свою дочь.

Руки Дианы покинули мою грудь. Чёрт! Они общаются меж собой, а мне доступно лишь то, что обращено ко мне.

– Господин Президент, – обратился мысленно к лидеру прозрачных, – вам не приходило в голову, полюбопытствовать мнением Дианы.

– Девочка – дочь нашего народа, единственная надежда на будущее.

– Девочка – моя дочь и вольна сама выбрать свою судьбу. Мой отцовский долг помочь ей в этом.

– Не собирается ли пришелец Алексей воевать с нами? Не забыл ли он, что ничего не стоит без серебряного браслета на руке?

– Когда-то, помнится, миролюбие было вашей отличительной чертой.

– Я лишь к тому, чтобы ты не посягал на святое. Расстанемся на дружественной ноте.

– Я не против, хотя... В нашем обществе многое изменилось за время вашего добровольного заточения на этом острове. Не желаете взглянуть? Быть может, увидев нового человека Земли, вы перемените своё мнение.

– Один из представителей перед нами.

– И как он вам?

– Настырно лезет в дела, которые его не касаются.

– Но Диана моя дочь, и я желаю ей человеческого счастья. Она должна вернуться со мной к людям, подружиться со сверстниками, выбрать и полюбить единственного мужчину, от которого захочет иметь ребёнка. Ваш род продолжится.

– Здесь она под защитой.

– Последуйте за ней и защищайте на Большой земле, раз роль тени отца Гамлета вам более по душе. Но на вашем месте следовало бы заняться личными проблемами – постараться вернуть репродуктивные способности.

– Наши проблемы оставь нам, и девочку в покое. Если это для тебя приемлемо, можешь изредка появляться здесь, общаться с дочерью, в противном случае потеряешь её навсегда.

Эти переговоры, более похожие на препирательства с угрозами, длились, длились. Надо-ели. Пора переходить к действиям. Инициатива за мной. Мне было указано на дверь, мне было отказано в правах на дочь. Ну, что ж...

– Билли, какие наши шансы?

– А никаких – они действительно могут исчезнуть в любую минуту и навсегда.

– И что делать?

– Терпение и такт, терпение и такт. Нельзя рубить с плеча в таких делах – ты даже дочь не освободил из-под их влияния.

И я пошёл на попятную.

– Хорошо, – сказал вождю прозрачных, – я уйду с острова, как только заживёт плечо.

Прозвучало, как отступление. Я уйду, как только заживёт плечо. Вот оно заживёт, и я уйду. Один уйду или всё-таки с Дианой – понимай, как хочешь.

Прозрачные люди решили, что один, и оставили меня в покое.

Ключица срослась дня за три. Раны от акульих зубов затянулись без рубцов на коже. Но я не торопился в обратный путь – нам хорошо было в эти дни втроём. Всякий раз, забравшись на мои колени и прильнув ухом к груди или щеке, юная дева углублялась в мою память, как интересное кино.

А я провоцировал:

– Ты хочешь увидеть всё это наяву? Обнявшись, болтать с сестрой? Посмотреть большие города, самодвижущиеся аппараты? Катиться на лыжах со снежной кручи? Играть в мяч со сверстниками? Покорять сердца молодых людей, выбрать одного единственного, влюбиться и воспарить с ним к небесам?

– Я и сейчас могу летать, – сказала Диана и тут же, выскользнув из моих рук, поднялась над кустами, парила в воздухе несколько минут без видимых усилий. Потом мягко опустилась ко мне на колени.

А я и рот забыл закрыть от удивления:

– Как это?

– Не знаю, – беспечно тряхнула кудрями Диана.

Спрятавшись от дочери в тропических зарослях, мы предавались с Электрой любовным утехам.

– Ты не боишься забеременеть, – спрашивал её.

– Я этого хочу.

– А вдруг эмбрион получится с моими наследственными признаками и станет причиной твоей гибели?

– Ты не позволишь хищникам растерзать меня.

– Ваши мужчины не спасли остальных женщин.

– Наши мужчины утратили основные мужские качества – зачинать и защищать. Они не умеют проливать кровь. Ты не такой. Ты можешь убить за любимого человека.

– Да, могу.

Жена, дочь – они любят меня, они верят мне, готовы за мной на край земли, но как невольницы послушны своему вожаку. Как разорвать эту родовую связь?

Билли подсказал идею и пособил своими связями – мне дали в управление толику Всемирного Разума.

– Собери народ, – попросил Электру. – Будет представление.

Впрочем, масштабы затеваемого не требовали зрительного зала – ареной служила лагуна, а она видна практически с любой возвышенности острова, ну и с берега, конечно.

– О-пля! – как заправский факир взмахнул руками.

В то же мгновение раскололись небеса, и на водную гладь упал торнадо. Нет, не страшный, всё ломающий смерч, а его ласковый брат – изящный вращающийся столб, который засасывал в воронку воду, поднимал её метров на тридцать и низвергал фонтаном. На его брызгах вспыхнула радуга.

– Как здорово! – Диана сорвалась с места, едва касаясь ступнями песка, устремилась к береговой черте. А потом прыгнула и легко взмыла к вершине фонтана. Она невесомо парила на его бутоне, ныряла в струи, пыталась поймать радугу – её звонкий смех далеко разносился над окрестностями.

Будто мановением волшебной палочки водная гладь вокруг фонтана вспучилась американскими горками, прохладными гейзерами. Белогривыми конями вспенились волны, понеслись по лагуне, как арене цирка – в карете моя ликующая дочь...

Водная феерия продолжалась до заката. Потом была ночь. Я лежал на берегу лагуны в объятиях Электры, Билли вырвал меня из других объятий – Морфея.

– Очнись, Создатель, Любовь Александровна хочет говорить.

– Что, дорогая? – моя мысль пронеслась через моря и океаны, горы и степи, на другой конец Земли.

– С Костей беда. – Люба всхлипнула. – Обозначь координаты, я пришлю за тобой летательный аппарат.

2

– Как это произошло?

Мы сидим с Любой в её кабинете Центра Космических Исследований. Она не спешит с ответом, всматривается в моё лицо. Глаза строгие и грустные, по щекам бегут слёзы. Сколько лет мы не виделись? Наверное, со времён Всемирного потопа. Да нет, чуть позднее – со дня похорон Даши. Эх, Гладышев, Гладышев, вечный скиталец. Такая женщина красу проплакала, тебя ожидаючи....

Нет, это я для красного словца загнул – Любовь Александровна не утратила былой красоты, изящества фигуры, утончённости манер премьер-леди, только добавился некий скорбный налёт. И, быть может, это впечатление остановило мой порыв к нежным объятиям....

Мы встретились в компьютерном зале ЦКИ. Сотни глаз, забыв о мониторах, устремились на нас. Космические тела и просторы в эти минуты были предоставлены самим себе – их исследователям невтерпёж было узнать, как, спустя годы разлуки, встретит своего Одиссея Пенелопа. Общественное любопытство сковывало, гвоздило к паркету, не давало воли чувствам.

– Здравствуй, Гладышев.

– Здравствуй, дорогая.

Люба шагнула ко мне, уткнулась в грудь. Осторожно взял в ладони её плечи. Мы не целовались к огорчению присутствующих. Постояли с минутку, привыкая, а потом прошли в её кабинет.

– Как это произошло?

Она не спешит с ответом.

– Ты.... возмужал. Волосы седые.... Глаза.... Глаза твои в морщинах. Нагулялся?

– Погулял, причины были – о них потом. Что с Костиком?

– Авария на околоземной орбите. Космический мусор пробил корпус спускаемого аппарата. Он потерял управление и упал в океан.

– Место падения зафиксировано?

– Да, но аппарат не сканируется. По всей вероятности опустился не на дно океана, а угодил прямиком в глубоководную впадину.

– Там она есть?

– Там она есть, – как эхо повторила Люба.

– Что предпринимается?

– К месту падения идёт поисково-спасательное судно.

– Сколько времени прошло?

– Вторые сутки как.

– Есть надежда?

– Разгерметизация аппарата произошла на орбите, и в кабину проник жуткий космический холод. Потом падение – аппарат превратился в раскалённую сковородку в плотных воздушных слоях. В довершение – океанская впадина, на дне которой невообразимое давление. Ни одно живое существо не в состоянии пережить подобные кошмары. Если только оптимизатор.... Понимаешь, оптимизатор Константина подаёт сигнал: «Я жив». Он говорит от имени человека: «Я жив».

– Хочешь сказать – это не возможно?

– Допускаю, что с экстремальными температурами оптимизатор может справиться и убедить носителя. Но давление.... Это невозможно.

– Но сигналы идут? Значит, есть смысл у хлопот. Сможем опуститься на дно впадины?

– Будем пытаться. На борту спасателя батискаф последнего поколения, ещё не прошедший «полевые» испытания. Заодно....

– Когда смогу вылететь к месту погружения?

– Мы полетим вместе, – сказала Люба, сказала другим, ну, просто воркующим голосом.

А взгляд... нежный, влекущий. Я придвинулся.

– Лёш, не надо... Не здесь... Идём домой... Господи, спасите от насильника.

Но насильников было двое. Пока возился с её униформой, жена в одно движение сорвала с меня тунику.

– Как ты можешь? – застонала она, опрокидываясь на рабочий стол. – О Косте подумай.

Ни о чём уже не мог думать. Сколько лет разлуки... Столько лет вдали...

Астроград, в котором размещался Центр Космических Исследований, был типичным моногородом нового поколения – без улиц и площадей, но с вертикальными лифтами и горизонтальными эскалаторами. Бытовые апартаменты хозяйки ЦКИ располагались на одном из верхних ярусов полутора километровой усечённой пирамиды. Как вошёл – ахнул. Несколько комнат и в каждой стены – прозрачное стекло, за которым иная жизнь: подводный мир, джунгли, степные, горные ландшафты...

– Что это?

– Обои, – смеётся жена.

Погрозил пальцем:

– Кого пытаешься надуть? Это плоские экраны – компьютер крутит записи.

– Не совсем. Компьютер транслирует пейзажи с установленных камер. Действия на экранах в режиме on-line. Создаётся эффект присутствия – не надо тратить время на вылазки.

Это был вечер воспоминаний.

Помнишь...? А ты помнишь...? Мы всё хорошо помнили. Нашу встречу в заснеженном Новосибирске, и скоропалительную свадьбу.

– Гладышев, тебе никогда не хотелось прыгнуть в самолёт и примчаться ко мне? Не хотелось? Постарел, утратил дух романтизма. Чем живёшь теперь?

Я рассказал о проклятии генерала.

– Предрассудки, – хмыкнула Люба.

– А Никуши? Дашина гибель... Мама...

– Не вижу мистики. Трагическая и субъективная реальность.

– Я был у Костика перед походом на Белуху.

– Был на Сахалине и не удосужился заглянуть? Хорош муженек!

– Я был у Костика, и вот теперь космический мусор...

– Не будем хоронить парня раньше времени. А меня, зачем пытаешься запугать?

– Хочу объяснить, почему обходил десятой дорогой.

– А теперь ты здесь, и, стало быть, мой черёд подошёл.

– Люба...

Она потянула в спальню.

– Приласкай напоследок.

Дыхание жены глубокое и ровное. Она спит на моём плече, обняв за другое. Трудно шевельнуться, не потревожив. Всё-таки удаётся дотянуться до оптимизатора.

– Билли.

– Что, хозяин, надо?

Не разделил настроения.

– Есть связь с оптимизатором Костика?

– Односторонняя. На запросы не отвечает. Шлёт в эфир, как маячок: «Я жив».

– Может такое быть, что от всего Кости осталась одна живая клетка, а оптимизатор...

– Всё может быть. Оптимизатор – прибор, он запрограммирован и не склонен к импровизации.

– Если оптимизатор функционирует, почему не выходит на связь?

– Нет ответа на твой вопрос....

– Ищи....

Проснулся один в кровати, не было Любы и в квартире. Принял душ. Привёл в порядок свою растительность. В ванной на вешалке заботливая рука оставила для меня нижнее бельё. На спинке кресла висела униформа, в которой щеголяют сотрудники ЦКИ. Опустил тунику в утилизатор.

Решил отыскать Любочку на рабочем месте, следуя позывам интуиции. Покатался на лифтах, на эскалаторах бесконечными коридорами. Пару раз готов был завопить: «Где вы, люди, ау?». А когда находил, упрямо отмалчивался, отвечая кивком на приветствие.

Наконец:

– Билли, помогай.

Люба сидела в рабочем кресле перед огромным экраном монитора, а за спиной.... нет вокруг! Мама дорогая! Прозрачные стены. И сам кабинет в центре огромного компьютерного зала – полный обзор. А мы вчера тут не сдержали своих чувств. Нет, не может быть, я бы заметил – конечно, стены были чем-то затонированы.

– Что опешил, проходи, – Люба, не оборачиваясь.

Я убрал её локон и поцеловал шею. Она быстро повернулась и догнала мои губы своими.

– Присаживайся.

Я сел, подпёр скулу ладонью и устремил на жену взгляд, исполненный бесконечной любви и нежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.